

## Русский марксизм



Э  
М

та глава не претендует на многое. Судьбы марксизма в России — гигантская проблема, которая требует нового мышления, нового подхода. Все более крепнет ощущение, что русский марксизм и социализм, наши революции XX в. можно понять только при одном обязательном условии: если их рассматривать в связи с вековой историей России, с материальными и духовными условиями жизни народа, с особенностями русской мысли. Но от этого ощущения до серьезного исследования — большой путь, который советской науке еще предстоит пройти. Мы попробуем лишь рассказать о некоторых замечательных людях и идеях, которые воплощают становление русского марксизма до конца XIX в.

## Маркс, Энгельс и Россия

Д  
М

ва аспекта можно выделить в этом вопросе. Первый — отражение фактов и тенденций общественного развития России в деятельности и сочинениях Маркса и Энгельса. Второй — влияние Маркса и Энгельса на русскую общественную мысль и русское революционное движение. При всей важности первого аспекта нас здесь больше интересует второй.

Хорошо известно, что Маркс в последние 10—15 лет жизни, Энгельс — в этот же период и после смерти Маркса проявляли исключительный интерес к России. Автор фундаментального труда Р. П. Конюшая приводит любопытные подсчеты, показывающие, как от десятилетия к десятилетию росла доля русской тематики и русских корреспондентов в переписке Маркса. В период 1874—1883 гг. свыше 38% писем Маркса имеют своей главной темой русские дела. Сохранилось 147 писем Маркса и Энгельса русским корреспондентам и 312 писем русских деятелей Марксу и Энгельсу. По объему переписки всех корреспондентов далеко опережает Н. Ф. Даниельсон, вторым идет П. Л. Лавров. В этом списке мы находим многих революционеров-народников, нескольких либеральных ученых и писателей и, наконец, первых деятелей русского марксизма и социал-демократии Г. В. Плеханова и В. И. Засулич<sup>1</sup>. Дело не ограничивалось перепиской. В 70—80-х годах Маркс и особенно Энгельс опубликовали ряд работ, специально посвященных разным аспектам социально-экономического и политического положения России, русскому революционному движению. Их крупнейшие произведения, такие, как «Капитал», «Манифест Коммунистической партии», «Анти-Дюринг» и многие другие, были известны в России больше чем где-либо, переводились на русский язык, издавались в стране и в эмигрантской печати на Западе.

Этим проблемам посвящено большое число работ советских ученых. Но мы сознательно процитируем не их, а современного западного исследователя, который анализирует кризис народничества и становление марксизма в России: «Из авторов, которых читали интеллигенты, только Маркс давал как привлекательную для них теорию, так и метод анализа и понимания того, как функционирует реальная экономика. Сочинения Маркса были всегда необыкновенно популярны в среде русской интеллигенции»<sup>2</sup>. Далее автор справедливо замечает, что в народнический период русские интеллигенты жадно читали Маркса, но не могли правильно понять его, найти правильное приложение его идей к условиям России. Они были склонны прямо переносить классовую структуру

<sup>1</sup> См.: Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. С. 79—81

<sup>2</sup> R. Wortman, The Crisis of Russian Populism, P. 146.

западноевропейского общества, которое рассматривал Маркс, на Россию, подставляя русских крестьян на место пролетариев, а помещиков на место капиталистов. Поэтому народники, как бы они ни увлекались Марксом, лишь искали у него то, что им надо: обоснование «крестьянского социализма».

Действительно, даже Даниельсон, который перевел на русский язык все три тома «Капитала» (перевод первого тома начал и отчасти сделал Г. А. Лопатин) и получил от Маркса и Энгельса десятки писем, составляющих в совокупности целую книгу, все равно остался либеральным народником, не стал марксистом. В 1895 г. Энгельс не без грустного юмора пишет Плеханову: «Что касается Даниельсона, боюсь, что с ним ничего не поделаешь... Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь, от других неверных народов»<sup>1</sup>.

Но Энгельс не был бы Энгельсом, если бы тут же не объяснил объективные причины ограниченности народнических мыслителей. Эти причины заключаются, с одной стороны, в социально-экономической отсталости России, где «современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации». С другой стороны, русская мысль отгорожена от социалистических идей Запада «более или менее эффективной китайской стеной, которая возведена деспотизмом».

Тупик, в который зашло революционное народничество к началу 80-х годов, заставил часть народников обратиться к марксизму в поисках общественной теории, которая могла бы дать им путеводную нить в лабиринте сложных русских проблем. Среди них была Вера Ивановна Засулич, молодая женщина, совершившая в 1877 г. террористический акт — попытку убить петербургского генерал-губернатора Трепова. В 1881 г. она жила в эмиграции в Швейцарии. В. И. Засулич к этому времени разочаровалась в «Народной воле» и в терроре, но не знала, чем она и ее друзья могут послужить русскому народу и революции. 16 февраля 1881 г. она обратилась к

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 344.

Марксу с письмом, которое и теперь производит при чтении большое впечатление. Это письмо звучит как крик о помощи, как призыв к старшему и мудрому человеку дать совет в трудный час жизни.

В. И. Засулич писала Марксу о том, что его труд о капитале «читается и перечитывается широким кругом более или менее образованных людей и серьезные люди изучают его». Она в ясных и точных словах сообщала Марксу, какую роль играет его учение в спорах русских социалистов по главным вопросам общественного развития страны — о крестьянской общине и судьбах капитализма. Перед русским революционером стояла дилемма. Если община имеет социалистическое будущее, он должен посвятить все свои силы ее освобождению от царистско-крепостническо-капиталистического гнета и ее развитию в социалистическом направлении. Если община такого будущего не имеет, революционеру предстоит вести революционную пропаганду среди городских рабочих, что в России было чрезвычайно трудно, поскольку в города хлынули массы разорившихся и бегущих из деревни крестьян.

«Вы поймете поэтому, гражданин,— писала В. И. Засулич,— в какой мере интересует нас Ваше мнение по этому вопросу и какую большую услугу Вы оказали бы нам, изложив Ваши воззрения на возможные судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что, в силу исторической неизбежности, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства»<sup>1</sup>.

Письмо, несомненно, произвело на Маркса сильное впечатление. Мы можем судить об этом по тому факту, что он составил три различных (хотя и близких по содержанию) наброска ответа В. И. Засулич, которые сохранились в черновиках. Видимо, он все же остался недоволен своей работой, поскольку послано было 8 марта 1881 г. лишь краткое письмо, дающее принципиальный ответ на вопросы русской революционерки.

К. Маркс категорически отверг утверждение, что его теория капиталистического развития имеет универсальное значение и может быть механически применена к условиям России. Он признал своеобразие этих условий, в

<sup>1</sup> Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. С. 300.

частности особую роль в России крестьянской общины. В заключение он писал: «Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные исследования, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»<sup>1</sup>.

Через несколько месяцев К. Маркс и Ф. Энгельс вернулись к вопросу о русской общине и судьбах капитализма в России — на этот раз уже в печати. Для нового русского издания «Манифеста Коммунистической партии», инициатива которого принадлежала Плеханову, они написали в январе 1882 г. по просьбе П. Л. Лаврова особое предисловие. Здесь впервые появляется пророческая мысль, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»<sup>2</sup>. Здесь же Маркс и Энгельс четко сформулировали ответ на вопрос об общине: она может стать «исходным пунктом коммунистического развития» при одном необходимом и важнейшем условии: если одновременно с русской революцией произойдет пролетарская революция на Западе<sup>3</sup>.

Лишь после смерти Маркса, в 1886 г., было впервые опубликовано его неотосланное в редакцию «Отечественных записок» письмо от 1877 г. Письмо связано с дискуссией на страницах русского журнала о «Капитале». В центре его — все тот же вопрос, поставленный В. И. Засулич. Маркс возражал против попыток рассматривать его учение как «универсальную отмычку», как историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются.

Маркс констатировал, что процесс распада общинного строя уже далеко зашел, и сделал заключение: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший слу-

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 251.

<sup>2</sup> Там же. С. 305.

<sup>3</sup> Это место цитируется в настоящей книге на с. 296.



чай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»<sup>1</sup>.

Надо иметь в виду, что Маркс предназначал это письмо для легальной печати в России. Поэтому он не мог открыто сказать того, что говорится в предисловии к русскому изданию «Манифеста»: использовать этот данный историей случай Россия может, лишь совершив революцию, которая сольется с пролетарской революцией в Западной Европе.

Мысли Маркса и Энгельса, особенно письмо первого из них в редакцию «Отечественных записок», получили в 80-х и 90-х годах большую известность в России. Народники пытались использовать их в своих интересах, доказывая, будто Маркс безоговорочно «благословил» русский общинный социализм и высказался «против» развития капитализма в России. Плеханову, а позже Ленину и другим марксистам пришлось вести упорную борьбу за правильное понимание идей основоположников марксизма по этому вопросу. Народники игнорировали глубокую диалектику мыслей Маркса и Энгельса, отрывали их от конкретных условий, с которыми последние связывали возможность некапиталистического развития, и от момента, когда они были высказаны.

В 90-х годах Фридрих Энгельс в послесловии к работе «О социальном вопросе в России», а также в нескольких письмах к Н. Ф. Даниельсону и к другим лицам снова вернулся к старому вопросу. Энгельс писал с характерной для него скромностью и осторожностью, оговариваясь, что его знание фактов недостаточно и что он не желает дать одной из русских революционных группировок оружие против другой. Тем не менее изменение обстановки в 90-х годах по сравнению с периодом на рубеже 70—80-х годов позволило ему высказаться достаточно определенно.

Представляется важным привести мудрые слова Энгельса о революционных народниках: «...этих людей мы не потянем к ответу за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но разделять их иллюзии мы вовсе не обязаны. Время избранных народов миновало безвозвратно». Прошло и вре-

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 119.

мя этих людей. «...В течение 17 лет, которые протекли с той поры, как было написано письмо Маркса (в редакцию «Отечественных записок». — А. А.), и развитие капитализма и распад крестьянской общины в России шагнули далеко вперед... В короткое время в России были заложены все основы капиталистического способа производства. Но вместе с тем был занесен топор и над корнями русской крестьянской общины... Так и идет во все более ускоряющемся темпе превращение России в капиталистически-промышленную страну, пролетаризация значительной части крестьян и разрушение старой коммунистической общины»<sup>1</sup>.

Энгельс завершает свой анализ следующей замечательной мыслью: чтобы спасти какие-то позитивные социальные и моральные элементы общины, необходимо революционным путем свергнуть самодержавие. На первом этапе это может быть лишь буржуазно-демократическая революция, но она создаст для русского крестьянства совершенно новые условия существования и развития. В сочетании с пролетарской революцией на Западе это позволит заложить основы социалистического переустройства общества в России.

В. И. Засулич, корреспондентка Маркса, после его смерти начала переписку с Энгельсом и первой познакомилась с группой молодых русских эмигрантов-марксистов, признанным главой которых был Плеханов. Через Засулич Энгельс передал для публикации письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок». В последние годы своей жизни Энгельс был лично знаком и активно переписывался с Плехановым. В ожесточенной полемике, которую вели Плеханов и его немногие единомышленники с народниками, старый Энгельс был на их стороне, но сам предпочитал в эту полемику не вступать. В обширных письмах от июня — июля 1894 г. Плеханов знакомил Энгельса с положением в русском освободительном движении и указывал, что последние публикации Даниельсона и Воронцова объективно льют воду на мельницу царизма. Энгельс, как мы видели выше, тоже не был в восторге от выступлений переводчика «Капитала», но написал Плеханову (февраль 1895 г.) следующее: «Чтобы ввязаться в эту полемику, мне пришлось бы прочитать всю

<sup>1</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 450, 451, 452.



литературу, а затем следить за ней и отвечать. Тогда это отняло бы все мое время в течение года, и единственным полезным результатом было бы, вероятно, то, что я знал бы русский язык гораздо лучше, чем сейчас. Но меня просят о том же для Италии по поводу знаменитого Лориа<sup>1</sup>. А я и так уже завален работой!»<sup>2</sup>

Плеханов не удовлетворился ответом Энгельса и 3 марта 1895 г. писал ему: «Положение у нас так ясно, что не требуется долго изучать его, чтобы осудить «государственный социализм» Даниельсона. Несколько неодобрительных слов с Вашей стороны принесли бы большую пользу, и именно о такой помощи русской революции я говорил в моем предыдущем письме. Раз Вы очень заняты, не буду к этому возвращаться. Но если бы встал вопрос о выборе между Даниельсоном и Лориа, то я сказал бы: Генерал<sup>3</sup>, выберите Даниельсона, — это важнее»<sup>4</sup>.

В последнем письме, написанном в конце мая — июне 1895 г., которое Энгельс получил уже безнадежно больным, за несколько недель до смерти, Плеханов рассказывал ему о подъеме рабочего движения в России и о деградации народничества: «Так проходит слава народников! И подумать, что Даниельсон в этой милой компании!»<sup>5</sup>

На смерть Энгельса откликнулся Плеханов. Но в заграничном социалистическом сборнике «Работник» появилась без подписи и статья-некролог, присланная из России. Она принадлежала перу 25-летнего Владимира Ульянова. Статье был предпослан эпиграф из стихотворения Н. А. Некрасова на смерть Добролюбова:

Какой светильник разума погас,  
Какое сердце биться перестало!<sup>6</sup>

Эпиграф характерный: и Некрасов, и Добролюбов были кумирами русской демократической интеллигенции.

<sup>1</sup> А. Лориа — итальянский буржуазный экономист. — *Ред.*

<sup>2</sup> *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 344.

<sup>3</sup> Шутливое прозвище Энгельса, употреблявшееся его друзьями и единомышленниками.

<sup>4</sup> Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. С. 343.

<sup>5</sup> Там же. С. 346.

<sup>6</sup> См.: *Ленин В. И. Фридрих Энгельс // Полн. собр. соч.* Т. 2. С. 5.



реди книг, посланных Марксу Н. Ф. Даниельсоном, была изданная в Киеве в 1871 г. магистерская диссертация молодого русского ученого Н. И. Зиберы под заглавием «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими исследованиями и разъяснениями». Этот экземпляр сохранился, на нем имеется много пометок Маркса, свидетельствующих о внимательном чтении<sup>1</sup>. Работа Зиберы содержала не только единственный по глубине в русской литературе анализ теории Рикардо, но и сочувственную реакцию на первый том «Капитала», опубликованный в Германии в 1867 г. В это время Даниельсон заканчивал его перевод, который вышел в 1872 г. в Петербурге тиражом, в 3 раза превышавшим тираж немецкого издания.

Маркс высоко оценил труд Зиберы. В послесловии ко второму изданию «Капитала» (1873 г.) он писал: «Еще в 1871 году г-н Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» показал, что моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита — Рикардо. При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения»<sup>2</sup>.

В течение ряда лет посредниками между Марксом и Зибером служили Даниельсон, Ковалевский, Лавров. Но они были знакомы и лично. В письме Даниельсону от 19 февраля 1881 г. Маркс сообщает, что у него в Лондоне были русские ученые Зибер и Каблуков, и добавляет характерную деталь: «Они целыми днями работали в Британском музее»<sup>3</sup>.

Николай Иванович Зибер родился в 1844 г. в Крыму. Его отец был швейцарец, мать — наполовину французен-

<sup>1</sup> Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса, М., 1979. С. 73.

<sup>2</sup> *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 19.

<sup>3</sup> Там же, Т. 35. С. 130.

ка, наполовину русская. Н. И. Зибер оставался всю жизнь гражданином Швейцарии. Но он вырос, учился и начал работать в России и чувствовал себя русским. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, автор мемуаров, пишет: «При иностранном происхождении... Зибер... был, можно сказать, психологически и по национальности коренной и типичный русский человек. Для него все русское было родной стихией. Россию он считал своим отечеством и любил ее мучительную любовью русского интеллигента»<sup>1</sup>.

Зибер получил отличное образование дома, в гимназии и на юридическом факультете Киевского университета, где его учителем был Н. Х. Бунге, будущий министр финансов. Зибер свободно владел основными европейскими языками, а его начитанность и глубина знаний поражали собеседников уже в студенческие годы. Другой мемуарист, киевский профессор права, с большой теплотой вспоминает о Зибере: «...его симпатичное лицо, его русая шевелюра и рыжеватая борода, его то вспыхивающий, то потухающий румянец...»<sup>2</sup> Этот юношеский румянец фигурирует в эпизоде, который рассказывает мемуарист. На магистерском экзамене Бунге предложил Зиберу рассказать о теории Маркса. «Я помню, как разгорелись щеки Зибера, когда он стал излагать теорию, которой он сделался горячим последователем»<sup>3</sup>. Хотелось бы попутно спросить: в каком университете мира в 1870—1871 гг. мог быть задан на экзамене такой вопрос? Ответ ясен: только в одном из русских университетов.

После плодотворной двухлетней командировки за границу Зибер в 1873 г. вернулся в Киев и с блеском начал преподавательскую деятельность. Однако она продолжалась недолго и закончилась уже в 1875 г., когда Зибер подал в отставку в знак протеста против изгнания из университета одного из его друзей, прогрессивных профессоров. Он поселился в Швейцарии и посвятил себя научно-литературной деятельности.

Цельность личности Зибера проявилась в его браке.

<sup>1</sup> Овсяннико-Куликовский Д. Н. Воспоминания. Пг., 1923. С. 147.

<sup>2</sup> Цит. по: Клейнборг Л. М. Николай Иванович Зибер. Пг., 1923. С. 22.

<sup>3</sup> Цит. по: Русский биографический словарь. Пг., 1916. Т. 7. С. 369.

В Берне он женился на Надежде Олимпиевне Шумовой, которая училась там в университете и стала впоследствии крупным ученым в области физиологической химии и медицины. Подобный брак в 70-х годах прошлого века был вызовом «обществу».

В конце 70-х и начале 80-х годов большое число статей Зибера появилось в русских журналах, он был, в частности, постоянным автором «Отечественных записок», издаваемых Салтыковым и Михайловским. Отражением всеобщего интереса к общинным формам жизни и производства явилось капитальное исследование Зибера «Очерки первобытной экономической культуры» (1883 г.), талантливая работа на стыке экономики, социологии, истории и этнографии. В 1885 г. вышло второе, значительно расширенное издание его диссертации, причем заглавие нового труда изменилось: «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях». Вместе с работами Г. В. Плеханова эта книга сыграла важнейшую роль в идейном воспитании первых русских марксистов.

Но к этому времени Зибер уже был неизлечимо болен. В терминах тогдашней медицины, у него «появились признаки медленного паралича центрального мозга»<sup>1</sup>. В 1884 г. он поселился в Ялте и умер там в 1888 г.

Авторы дореволюционных биографий и мемуаров неизменно подчеркивали склонность Зибера к «чистой науке», аполитичность, удаленность от революционных течений и событий. Несомненно, Зибер не был революционером. Но он разделял многие революционно-демократические идеи русской интеллигенции 70—80-х годов и был убежденным социалистом. Один активный участник народнического движения в своих мемуарах, опубликованных в 1925 г., рассказывает, что осенью 1873 г. он встречал Зибера в Цюрихе среди революционных эмигрантов, что Зибер был близок к Лаврову, сочувствовал хождению в народ и говорил о подъеме борьбы против самодержавия в России<sup>2</sup>.

Царские власти относились к Зиберу настолько подозрительно, что, согласно документам, «вследствие его политической неблагонадежности отдано распоряжение —

<sup>1</sup> Русский биографический словарь. Т. 7. С. 370.

<sup>2</sup> Котов К. Записки землевольца. Киев, 1925. С. 35.



тщательно обыскать по приезду, арестовать и препроводить в Петербург»<sup>1</sup>. Таким образом, с точки зрения охранны, «чистый теоретик» Зибер не был таким уж невинным агнцем. Выходит, он не зря боялся ехать в Россию, несмотря на свой статус иностранца, о чем с некоторой иронией рассказывает Овсяннико-Куликовский. Возможно, лишь тяжелая болезнь и умственное расстройство избавили его от неприятностей.

Вопрос о том месте, которое занимает Зибер в развитии марксистской идеологии, не раз был предметом дискуссий. Одно из мнений, с которым нельзя согласиться, заключается в том, что Зибер должен быть отнесен к «легальному марксизму». Франко Вентури, автор капитальнейшего в западной литературе труда о народничестве, рассказывая о цюрихских собраниях русских революционных эмигрантов в 1873 г., между прочим замечает, что среди них был Зибер, «первый легальный марксист»<sup>2</sup>. Такое мнение может, очевидно, опираться лишь на тот факт, что Зибер печатался в основном в легальной печати. Но это не столь серьезный аргумент. Само понятие «легального марксизма» неразрывно связано с 90-ми годами, когда огромная популярность марксизма заставила буржуазных демократов и либералов использовать в своей идеологии некоторые стороны марксизма, главным образом его экономическое учение. Такой марксизм называли легальным, потому что в этот период уже существовал другой марксизм — нелегальный, пролетарский, революционный.

Совсем иным было положение в 70-х годах, на которые приходится в основном деятельность Зибера. Зибера надо рассматривать как крупнейшего предшественника русского марксизма, как своего рода марксистского просветителя. В этом смысле его труды сыграли значительную роль в повороте передовой русской общественной мысли от народничества к марксизму.

Академический, научный уровень больших книг Зибера чрезвычайно высок. Это далеко не пересказ Маркса «простыми словами». Зибер раскрывает генезис основных элементов экономического учения Маркса, его связи с

<sup>1</sup> Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. М., 1930. Т. 2. Вып. 2. Составители, очевидно, пользовались архивными материалами.

<sup>2</sup> F. Venturi, Il populismo russo. Torino, 1952. Vol. 2. P. 745.

наукой предшествующего времени. Он, например, показал с большой глубиной значение тезиса Маркса о двойном характере заключенного в товаре труда: абстрактного труда, который рассматривается независимо от его вида и полезного результата, только как количество затраченной мускульной и нервной энергии человека, и конкретного труда, отличающегося именно своим видом и полезным результатом. «Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда указана Марксом критически впервые (курсив Зибера.— А. А.). Так как эта точка зрения есть исходная, вокруг которой вращается понимание политической экономии, то и следует тут осветить ее поближе»<sup>1</sup>.

Зибер первым в русской литературе выступил в защиту идей Маркса от критики буржуазно-либеральных авторов. В получивших в свое время большую известность статьях против Юрия Жуковского и Бориса Чичерина он использует в полемике язвительную иронию.

Научная честность и логика действительности привели Зибера к критическим выступлениям в адрес народников. Особенно показательна статья «Капитализм в России» (1882 г.), представляющая собой отклик на получившую широкую известность книгу В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России». Зибер категорически отвергает общинные и артельные иллюзии народников и указывает на объективные законы развития капитализма: «...капиталистическое движение не есть частное и второстепенное явление, как утверждает автор (Воронцов.— А. А.), а, напротив, универсальное, встречающееся во всяком обществе на известной ступени его развития, если только состоят налицо известные условия существования... Что в России он не разовьется до конца, это совершенно верно, но вовсе не вследствие частности своего характера, а потому, что придет раньше к окончанию в других странах»<sup>2</sup>.

Здесь можно видеть мысль, близкую к той, которую не раз высказывали в эти годы Маркс и Энгельс: капиталистическое развитие России может быть прервано

<sup>1</sup> Зибер Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях // Избранные экономические произведения. М., 1959. Т. 1. С. 172.

<sup>2</sup> Зибер Н. И. Избранные экономические произведения. М., 1959. Т. 2. С. 673.



социалистической революцией в развитых странах Запада. Многократно и в разных формах выражает Зибер положение об исторически преходящем характере капитализма и неизбежности смены его социализмом.

Критика капитализма и буржуазной политической экономии сближает Зибера с его современниками — народниками. Вполне в традициях русской мысли Зибер отказывается верить в благотворность индивидуализма, свободной конкуренции, игры экономических сил. Но если народники видели выход и надежду в развитии антикапиталистических сил общинности и артельности, то Зибер с полным основанием считал это утопией и искал факторы преодоления капитализма в самой его сущности.

Почему Зибер не мог стать основателем русского марксизма и уступил эту роль Плеханову, который, кстати сказать, высоко ценил его труды?

В политической экономии Зибер с глубиной и основательностью показал исторические корни и закономерности появления учения Маркса. Менее определенно Зибер видел другую сторону дела — революционный переворот, совершенный Марксом в науке, принципиальное отличие марксизма от учения Смита — Рикардо.

Следуя Марксу, Зибер обосновал переход буржуазного общества к социализму, но пути этого перехода он не рассматривал, и представления об этом у него были достаточно смутные. Вопросы о противоположности классовых интересов буржуазии и рабочего класса, о роли пролетариата как решающей силы социалистической революции им практически не рассматривались. Его вообще мало интересовали вопросы политической борьбы. Без всего этого русский марксизм не мог конституироваться ни как течение общественной мысли, ни как боевая теория борьбы рабочего класса и его союзников.

Чтобы укрепиться и завоевать прочные позиции в рабочем классе и во всем обществе, русский марксизм должен был вступить в непримиримую борьбу с либеральным народничеством. Это не было следствием какой-то особой «воинственности» Плеханова и его соратников в отличие от «миролюбия» Зибера. Просто иного пути не было. Зибер же не был готов к такой борьбе. Притом в 1883—1884 гг., когда Плеханов выступил с первыми

марксистскими работами и начал собирать вокруг себя русских марксистов, трагически короткая творческая деятельность Зибера уже заканчивалась. Как пишет один из его биографов, «не хотелось верить, что разбилась эта интеллектуальная сила, что весь огромный запас знания, скопившийся в голове этого человека, жившего, казалось, исключительно своей умственной жизнью, становится ненужным, бесполезным»<sup>1</sup>.

### Плеханов и группа «Освобождение труда»

Рассказывает вдова Плеханова, автор мемуаров о нем и его времени, Р. М. Плеханова. 1 апреля (очевидно) 1882 г. Вера Засулич и Лев Дейч, друзья и единомышленники Плеханова, жившего в эмиграции в окрестностях Женевы, зашли к нему с сенсационным известием, что в Женеву приехал Карл Маркс и поселился в небольшом отеле в нескольких километрах отсюда. Они сами уже говорили с Марксом, и он ждет Плеханова. Георгий Валентинович, великий книжник и труженик, был с головой погружен в работу и совершенно забыл о календаре. Он, естественно, очень взволновался предстоящей встречей с учителем, с которым никогда лично не виделся, торопливо оделся и вышел из дому вместе со своими друзьями. По дороге Плеханов начал вслух рассуждать о том, какие темы он попытается затронуть в разговоре с Марксом. Первой из этих тем была русская крестьянская община и ее судьбы (вспомним, что этот же вопрос задавала Марксу в письме В. И. Засулич). Наконец Вера и Лев не выдержали и расхохотались: это была только первоапрельская шутка. Жорж (так обычно звали Плеханова друзья) хохотал вместе с ними, хотя его разочарование было, вероятно, немалым<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Клейнборг Л. М. Николай Иванович Зибер. С. 19.

<sup>2</sup> Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. С. 116—117.

Надо напомнить, что все они были в ту пору еще совсем молодыми людьми. Самому известному из них было только 25 лет, но он уже не менее шести лет участвовал в революционном движении. Георгий Валентинович Плеханов происходил из семьи мелкопоместного дворянина и получил хорошее домашнее образование, а также учился в нескольких учебных заведениях. В декабре 1876 г. Плеханов произнес в Петербурге пламенную революционную речь во время демонстрации, среди участников которой было много рабочих. Плеханов перешел на нелегальное положение и стал активным деятелем народнической организации «Земля и воля». В 1879 г. она раскололась на «Народную волю», тяготеющую преимущественно к террористическим методам борьбы, и «Черный передел», члены которого делали основную ставку на пропаганду среди крестьян. Плеханов стал одним из руководителей второй организации. По пятам преследуемый полицией, он в 1880 г. уехал за границу. В эмиграции Плеханову было суждено провести почти всю жизнь: он вернулся на родину после Февральской революции 1917 г., чтобы умереть в следующем году от давно мучившего его туберкулеза.

Плеханов был человеком огромного таланта, личностью необычайно яркой. Ко времени эмиграции он был знаком с основами марксизма, читал Зибера, следил за полемикой в русской печати вокруг «Капитала». В 1880—1882 гг. совершился его переход на позиции революционного марксизма и научного социализма. В 1883 г. Плеханов, Засулич, Дейч, Аксельрод и Игнатов создали в Швейцарии первую русскую организацию марксистов, которую называли «Освобождение труда». Она просуществовала до 1903 г., затем волилась в созданную в том же году Российской социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). Работы Плеханова, опубликованные в России и за границей в 80-х и в начале 90-х годов, заложили основы русской марксистской общественной мысли.

Труды Плеханова обнимают практически всю область общественных наук. Он был философом, социологом, экономистом, историком, литературным критиком. И при всем этом он воплощал в себе качества революционера-практика. Мы уже знаем, что Плеханов был другом Энгельса в последние годы его жизни и вме-

сте с такими людьми, как Август Бебель, Вильгельм Либкнехт и Поль Лафарг, принял из его рук знамя революционного марксизма.

Группа «Освобождение труда» издавала на русском языке и распространяла труды Маркса и Энгельса, объединяла вокруг себя ранних русских марксистов, помогала организации марксистских кружков и групп в России. Она сыграла историческую роль в переходе русского революционного движения с позиций народничества на позиции марксизма. В. И. Ленин писал: «Русский марксизм родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение труда»)».

Но течением русской общественной мысли и составной частью рабочего движения марксизм в России стал лишь с половины 90-х годов прошлого века, когда началась «волна» марксистской литературы в России и социал-демократического рабочего движения»<sup>1</sup>.

Важной научной и политической задачей группы «Освобождение труда» и сочинений Плеханова 80—90-х годов была критика либерального народничества и развенчание его в глазах передовых кругов русского общества. Этому посвящены работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883 г.), «Наши разногласия» (1885 г.), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895 г.), «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)» (1896 г.) и др.<sup>2</sup> Плеханов был мастером литературного стиля, его сочинения, глубокие по содержанию, отличаются также яркой формой, они острополюемичны и ироничны. Высмеивая народнические представления об интеллигенции как социально «избранной» и обособленной категории населения, он писал, что на Западе есть образованные и ученые люди, принадлежащие к различным слоям общества, но нет интеллигенции в том смысле, в каком это слово употребляется в России: «Она представляет собой такой же национальный русский продукт, как, напри-

<sup>1</sup> Ленин В. И. Карикатура на большевизм // Полн. собр. соч., Т. 17. С. 405.

<sup>2</sup> Идеи Плеханова в социально-экономической области рассматриваются в ряде работ, из которых наиболее основательной является книга: Полянский Ф. Я. Плеханов и русская экономическая мысль, М., 1965.



мер, лапоть»<sup>1</sup>. О крестьянской общине он говорил, что она, видимо, окажется не более долговечной, чем выброшенная на берег рыба.

Характеризуя русскую буржуазию, Плеханов употребил меткий образ, не уступающий по сочности образам Салтыкова: «Наша буржуазия переживает теперь важную метаморфозу: у нее развились легкие, которые требуют уже чистого воздуха политического самоуправления, но в то же время у нее не атрофировались еще и жабры, с помощью которых она продолжает дышать в мутной воде разлагающегося абсолютизма»<sup>2</sup>.

Книга «Наши разногласия» сыграла выдающуюся роль в формировании идей русского марксизма, в его размежевании с народничеством — как в его позднем псевдореволюционном варианте в лице Льва Тихомирова, так и в либеральном варианте в лице В. П. Воронцова. В этой книге Плеханов был вынужден решительно отмежеваться и от Лаврова, который поддерживал Тихомирова. Книга Плеханова обнаруживает огромную эрудицию и трудолюбие автора. В ней содержатся, в частности, первые в русской марксистской литературе зрелые и взвешенные оценки таких мыслителей и деятелей революционного движения, как Герцен, Чернышевский, Бакунин, Ткачев. В этом смысле «Наши разногласия» также не утратили своего значения и поныне. Плеханов протестовал против практики террора, планировавшегося Ткачевым и его сторонниками, в отношении представителей разных слоев. В этой связи он цитировал Ткачева: «...русская революция... не может обойтись без вешания и расстрела жандармов, прокуроров, министров, купцов, попов...»<sup>3</sup> Остается напомнить: гуманист Герцен предупреждал, что при подобном подходе террор придется обратить и против мелких собственников — крестьян.

Плеханов выступает в «Наших разногласиях» во всеоружии усвоенного им марксистского метода социально-экономического исследования, умело и творчески использует идеи «Капитала» и других произведений Маркса и Энгельса. Вместе с тем на борьбу с народни-

<sup>1</sup> Цит. по: История русской экономической мысли. Т. 2. Ч. 2. С. 165.

<sup>2</sup> Плеханов Г. В. Наши разногласия // Соч. Т. 2. С. 203.

<sup>3</sup> Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 147.

ческими иллюзиями он двинул мощную артиллерию логических аргументов и фактов — от истории западноевропейских государств до российской земской статистики, от западной политической экономии до свидетельств русских писателей. Как впоследствии Ленин, Плеханов широко использовал труды русских ученых-экономистов либерально-народнического направления, таких, как Янсон, Воронцов, Даниельсон, члены группы Чупрова.

Главные идеи, талантливо развитые Плехановым в «Наших разногласиях» и других работах 80-х годов, выдвинулись к следующим. Россия вступила на путь капиталистического развития со всеми вытекающими отсюда социальными и политическими последствиями. Развитие крупной промышленности подминает под себя «народное» кустарное производство. Численность и общественная роль рабочего класса быстро растет. Крестьянская община расслаивается и распадается под действием объективных экономических факторов. Формирование сельской буржуазии и сельского пролетариата при сохранении значительной части земель у помещиков создает новую расстановку классовых сил в деревне. Утверждения народников о «самобытном пути» России, об устойчивости мелкого производства и общины обнаруживают свою утопичность. Они не имеют под собой научного основания и в то же время тормозят рост революционного движения в России. Революционное народничество 70-х годов вырождается и смыкается с легальным, либеральным народничеством, которое готово пойти на союз с самодержавием ради сохранения «основ народной жизни». Важнейший вывод Плеханова: «Итак, еще раз: возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию»<sup>1</sup>.

В трудах и революционной деятельности Плеханова и поначалу его немногочисленных товарищей старая проблема России и Запада, которая буквально терзала поколения русских людей, была поставлена на принципиально новую основу. Марксистская теория обществен-

<sup>1</sup> Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 349.



но-экономических формаций и их революционной смены вскрыла объективный характер развития России, в частности неизбежность перехода от феодализма к капитализму. Применяя марксистскую теорию к условиям России, Плеханов показывал историческую миссию формирующегося в то время русского рабочего класса. Речь Г. В. Плеханова на Парижском конгрессе II Интернационала в 1889 г. ознаменовала выход русского марксизма на международную арену.

Труды Плеханова были новым и важным словом в русской общественной мысли. Но, десятилетиями оторванный от России, Плеханов как бы отвлекался от того объективного факта, что подавляющая часть населения России — крестьяне. В этих условиях исключительное значение приобретал вопрос о союзе рабочего класса с бедным и средним крестьянством в буржуазно-демократической, а затем в социалистической революции. Плеханов был склонен к недооценке этой проблемы. «История русской экономической мысли» так оценивает его взгляд: «Освободившись от утопической веры в крестьянскую социалистическую революцию и твердо став на марксистскую позицию пролетарской революции, Плеханов, однако, вообще сбросил со счета крестьянство как революционную силу»<sup>1</sup>.

Отсюда вытекал и несколько односторонний взгляд Плеханова на народничество, недооценка его роли как специфической идеологии крестьянской демократии. Плеханов применял к русскому народничеству мерку западноевропейского утопического социализма. На деле это далеко не исчерпывало его социальное содержание и историческое значение.

Представление о крестьянстве как об инертной, а в конечном счете контрреволюционной массе, к несчастью, утвердилось в умах многих русских социал-демократов и в какой-то степени было унаследовано большевиками. Конечно, Плеханов и представить себе не мог, какие последствия для крестьянства будет иметь сектантский уклон социал-демократов после 1917 г. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»

<sup>1</sup> История русской экономической мысли. Т. 2. Ч. 2. С. 500.

**В**  
**М**

последние годы своей жизни Энгельс столкнулся с новым явлением в западной социально-экономической мысли: появились ученые люди, университетские профессора, которые принимали и признавали марксизм, но не целиком, а с оговорками и ограничениями. Они стремились примирить марксизм с либеральным направлением буржуазных общественных наук, притупить его революционное острие.

В таком явлении Энгельс видел прежде всего положительный момент: развитие марксизма «вширь», рост его авторитетности. Судя по документам, в представлении Энгельса этот момент перевешивал столь же очевидную для него отрицательную сторону данного явления — опасность растворения марксизма в буржуазно-либеральной идеологии. В письме Лафаргу от 26 февраля 1895 г. Энгельс так оценил ранние работы Зомбарта: «В Германии хорошую статью о III томе («Капитала».— А. А.) написал Вернер Зомбарт, берлинский профессор, марксист, но несколько эклектик»<sup>1</sup>. Тем самым Энгельс, очевидно, хотел подчеркнуть компромиссный характер зомбартовского марксизма.

Мимо внимания Энгельса не прошла и одна из первых статей 23-летнего петербургского студента-юриста Петра Струве, в которой тоже нашли выражение «смягченные» марксистские взгляды. Эта статья, представлявшая собой развернутую рецензию на книгу Даниельсона, была опубликована в Германии. В письме Даниельсону от 17 октября 1893 г. Энгельс не скрыл, что марксистская позиция Струве по вопросу о развитии капитализма в России ему ближе, чем народничество и «антикапиталистический» пессимизм его многолетнего корреспондента. С замечательной прозорливостью увидел Энгельс и другую сторону позиции Струве, которая впло-

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 342. Любопытно, что в тот же день в письме Плеханову он, упомянув о приближении одного из лидеров французских социалистов, Жореса, к марксизму, многозначительно заметил: «Впрочем, не будем требовать излишней ортодоксальности!» (Там же. С. 344—345.)

следствии возобладала: его веру в неограниченные возможности капитализма, недооценку особенностей и противоречий развития капитализма в России.

П. Б. Струве был в 90-х годах виднейшим представителем легального марксизма. По многим вопросам к нему примыкал М. И. Туган-Барановский, основные взгляды которого как экономиста были рассмотрены выше. Косвенное отношение к легальному марксизму имеет и его исследовательская работа по истории промышленности в России. К легальным марксистам могут быть отнесены и некоторые другие активные участники экономических дискуссий 90-х годов, в частности С. Н. Булгаков.

Струве и Туган-Барановский сыграли заметную роль в распространении высшего экономического образования в России, в профессионализации русских экономистов. В написанной для американской «Энциклопедии общественных наук» статье о развитии этих наук в России (1931 г.) бывший в то время в эмиграции Струве вспоминал, что лучший экономический факультет страны (в Петербургском политехническом институте) предпочел его и Туган-Барановского, бывших марксистов, профессорам либерально-народнического толка<sup>1</sup>. Это понятно: соединив марксистскую выучку с буржуазными взглядами, Струве и Туган как профессионалы больше соответствовали новой, капиталистической эпохе, чем народники.

Начиная приблизительно с рубежа столетий Струве как теоретик и политический деятель проделал эволюцию далеко вправо — кстати, дальше, чем Туган-Барановский. Он стал впоследствии одним из лидеров кадетской партии, был министром в контрреволюционных правительствах в годы гражданской войны, активным деятелем антисоветской эмиграции.

В данном контексте, однако, Струве интересует нас лишь как лидер легального марксизма 90-х годов, сыгравшего свою роль в распространении марксистских идей в России, формировании социал-демократии.

Легальный марксизм был в тот период влиятельным течением общественной мысли. Он опирался, с одной

<sup>1</sup> Encyclopaedia of the Social Sciences. Vol. 1. P. 286.

стороны, на уже сложившееся сильное влияние и большую популярность экономического учения Маркса в России. С другой стороны, большинство русских легальных марксистов использовали труды немецких «полумарксистов», таких, как Зомбарт и Бернштейн, а также буржуазных критиков Маркса.

Русская публика с интересом следила за полемикой, в которой легальные марксисты проявляли большую активность. Несколько солидных журналов публиковали статьи Струве, Туган-Барановского и многих их последователей и единомышленников. Эта ситуация облегчала и распространение идей революционного марксизма. Экономические работы В. И. Ленина 90-х годов печатались главным образом в изданиях, которые придерживались легального марксизма.

Революционные марксисты, действуя в духе косвенных советов Энгельса, сохраняли до конца 90-х годов отношения союза и сотрудничества с легальными марксистами. Это было необходимо для успешного завершения идейной борьбы с либеральными народниками и для распространения марксистской идеологии. Как писал позже В. И. Ленин, в результате таких действий «была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)»<sup>1</sup>. В связи с этим в начале XX столетия среди русских социал-демократов сформировались новые направления и возникли разногласия, которые в 1903 г. привели к расколу их на большевиков и меньшевиков.

В 1894 г. была опубликована книга П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». В. И. Ленин, который в это же время выступил с первыми критическими работами о народничестве, счел эту книгу настолько важным явлением русской социально-экономической литературы, что написал большую статью, озаглавленную «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Она должна была появиться в легальном марксистском сборнике вместе со статьями Струве, Плеханова и других авторов. Однако уже отпечатанный сборник был запрещен.

<sup>1</sup> Ленин В. И. Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 16.



Значение книги Струве состояло в том, что впервые в русской легальной печати с марксистских позиций было дано опровержение основных социологических и экономических идей народничества. Струве доказывал неизбежность и прогрессивность развития товарно-капиталистических отношений в экономике России и раскрывал беспочвенность рассуждений народников об «искусственности» русского капитализма.

Пресловутый тезис В. П. Воронцова о том, что капитализм в России — «незаконное дитя природы», подвергся осмеянию. Но сам Струве выдвинул не менее одиозный лозунг: надо признать «нашу некультурность» и пойти на «выучку к капитализму». Эти слова Струве дали народникам основание обвинять марксистов в защите капитализма, в пособничестве буржуазии.

В конце концов Струве был вынужден признать, что его положение неудачно и двусмысленно по содержанию. Но суть дела в том, что это не была случайная оговорка. Струве и другие легальные марксисты считали капитализм рациональной и выгодной всем классам формой устройства общества и видели цель своей деятельности в разработке реформ.

### 90-е годы и молодой Ленин

3  
М

имой 1886/87 г. в Петербурге группа молодых революционеров задумала и подготовила покушение на Александра III. Они рассчитывали убить царя 1 марта 1887 г., в годовщину успешной акции народников в 1881 г. Руководителем террористической группы был студент Петербургского университета Александр Ульянов, сын умершего годом ранее директора народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянова, старший брат Ленина. Заговор был раскрыт властями, покушение не состоялось. На суде Ульянов вел себя с исключительным мужеством. Он был приговорен к смертной казни и повешен вместе с несколькими товарищами в мае 1887 г.

Александр Ульянов был народником по своим основным убеждениям. Он интересовался марксизмом, искал связей и хотел сотрудничества с первыми русскими марксистами. Вполне возможно, что именно от брата Ленин впервые услышал об учении Маркса. Однако царившая в России глухая реакция, безвременье, молодой энтузиазм толкали юношей на немедленные действия, которыми они надеялись разбудить народ. Они ошибались, но кто осудит их за эту ошибку?

Владимиру только что исполнилось 17 лет, он заканчивал гимназию в Симбирске. Трагическая судьба брата, которого Владимир глубоко любил и уважал, была для него огромным потрясением. Он стал революционером, но он не мог стать народником и террористом.

Через десять лет Владимир Ульянов (Ленин) становится одним из виднейших марксистов, признанным теоретиком молодой социал-демократии, автором нескольких работ, в том числе опубликованной в 1897 г. в легальной печати большой статьи «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)». Летом 1895 г. Ленин совершил большое заграничное путешествие, близко познакомился и договорился о сотрудничестве с Плехановым, встретился с вождями западноевропейской социал-демократии. Осталось множество свидетельств современников о том, какое сильное впечатление производил этот молодой человек умом, образованностью, принципиальностью, революционной страстностью.

Ленин имел за спиной большой опыт нелегальной работы, в том числе по созданию первой марксистской организации рабочих — петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Он провел более года в тюрьме и был сослан в Сибирь. В мае 1897 г. Ленин прибыл в место ссылки — село Шушенское на Енисее, где ему предстояло провести три года. В ссылке Ленин продолжал напряженную работу. В 1899 г. под псевдонимом «Владимир Ильин» была опубликована книга «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности». В большом теоретическом очерке подводились итоги экономической дискуссии марксистов с народниками, скрупулезно исследовались процессы развития капитализма в промышленности и сельском хозяйстве.



В феврале 1900 г. В. И. Ленин вернулся из ссылки в Европейскую Россию, а летом того же года выехал за границу. Началась его 17-летья (с перерывом в 1905—1907 гг.) эмиграция.

Центральное место в теоретической работе и практической революционной деятельности Ленина в 90-х годах занимали экономические проблемы. Это вытекало из первоочередных задач, стоявших перед рабочим движением и молодой социал-демократией. Утверждение марксизма и формирование пролетарской идеологии в России могло произойти только путем размежевания с народничеством. А центральным предметом разногласий был вопрос экономический — о развитии и судьбах капитализма. В рамках этого главного вопроса вставало несколько более конкретных, но важных и сложных проблем — о сельской общине и ее судьбах; о мелком производстве и его положении при капитализме; о формировании внутреннего рынка и о роли внешних рынков для развития капитализма; о путях аграрной эволюции. Все эти проблемы стали темой работ В. И. Ленина 90-х годов. Народнической идеологии противопоставлялся здесь высокопрофессиональный анализ экономики и социальных условий России, основанный на методе Маркса и опирающийся на огромный, искусно обработанный статистический и фактический материал.

В своих работах Ленин как бы следовал тем советам, которые давал в последние годы жизни Энгельс русским социал-демократам. А. М. Воден, молодой сторонник Плеханова, посетивший Энгельса в 1893 г., рассказывал: «...Энгельс выразил свое убеждение, что для русских социал-демократов необходимее всего серьезно заняться аграрным вопросом в России; что эта область исследований обещает, по существу, новые результаты...» Но еще значительнее и в высшей степени актуально как в конце XIX в., так и в конце XX в. звучит еще одно замечание: «А кроме того, Энгельс желал бы, чтобы русские — да и не только русские — не подбирали цитат из Маркса и его, Энгельса, а мыслили бы так, как мыслил бы Маркс на их месте, и что только в таком смысле слово «марксист» имеет *raison d'être*»<sup>1</sup>.

К несчастью, русские марксисты долгое время поступа-

<sup>1</sup> Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1956. С. 343, 344. Французское выражение означает «право на существование».

ли вопреки этому совету, старательно занимаясь подбором цитат. Притом в политических целях предпочтение отдавалось положениям, которые «оправдывали» экстремизм и насилие.

Ленин и его сторонники стремились опровергнуть народнический тезис о том, что русские марксисты механически переносят на Россию учение Маркса, возникшее на другой почве и в иных условиях. Как мы видели, легальные марксисты в известной мере давали народникам материал, как бы подтверждающий это обвинение, а оно могло оказать влияние на умы людей, за которые шла борьба. Это делало задачу, стоявшую перед В. И. Лениным, еще более сложной.

Обосновывая позицию русских марксистов, В. И. Ленин писал в 1899 г.: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются в *частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»<sup>1</sup>.

Ленин считал, что ситуация в России на пороге XX столетия принципиально отличается от тех условий, в которых начинались революции на Западе. Хотя рабочий класс только начинал формироваться, Ленин полагал, что он станет самостоятельной революционной силой и, приняв на себя руководство крестьянскими массами, обеспечит перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В дискуссиях с народниками встал вопрос о соотношении революционного марксизма с предшествующими течениями русской общественной мысли. В. И. Ленин посвятил этой проблеме статью «От какого наследства мы отказываемся?», написанную в Шушенском в 1897 г. и впервые опубликованную в 1899 г. Этот вопрос имеет важнейшее значение для нашей темы, поэтому им мы и закончим главу.

<sup>1</sup> Ленин В. И. Наша программа // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

В. И. Ленин выделяет три главных демократических течения русской общественной мысли XIX в.: просветительство, народничество и марксизм. Просветительство связано исторически с левым крылом западников 40-х годов. В 60-х годах важнейшую роль в нем играло революционно-демократическое направление. Некоторые стороны просветительства были свойственны и буржуазному либерализму в той мере, в какой он выступал против феодально-крепостнических сил, за прогрессивное развитие России, которое могло быть в тех конкретных условиях только капиталистическим.

Либеральное народничество не является подлинным наследником просветителей. Оно признает развитие капитализма регрессом, выступает за сохранение застойных форм общества и хозяйства, в том числе пережитков крепостничества, отказывается от непримиримой борьбы против самодержавия.

Имея в виду прогрессивные идеи русских просветителей, демократов 60-х годов, В. И. Ленин говорит, что *«ученики (т. е. марксисты.— А. А.) — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники»*<sup>1</sup>.

Марксисты принимают от просветителей идею о прогрессивности капитализма в России, но дополняют наследство анализом противоречий капитализма и видят в нем «залог лучшего будущего». Яснее в подцензурной печати автор не мог высказаться.

В конце столетия русский марксизм был серьезным фактором в общественной жизни страны. Он был представлен обширной литературой, которая оказывала немалое влияние на мышление интеллигенции и проникала в наиболее сознательную часть рабочего класса. Конечно, марксизм был далеко не преобладающим направлением общественной мысли, к тому же в его рамках уже происходило размежевание главных направлений, среди которых ленинское было самым левым. Одновременно русская мысль искала другие пути развития страны, и эти искания должны быть и отчасти уже являются предметом непредвзятого исследования советских обществоведов.

<sup>1</sup> Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 542.

Рубеж столетий — граница, конечно, условная. Но для нашей темы она отражает действительный конец одной эпохи, начало другой. Начиналась эпоха войн и революций. Впервые в истории России формировались политические партии со своей платформой и социально-экономической идеологией. В чудовищно сжатые исторические сроки левой социал-демократии предстояло проделать путь от разрозненных групп до правящей партии, русскому марксизму — от одного из направлений общественной мысли до обязательной для всех единой идеологии. Отступления от нее поначалу были затруднительны, а затем стали просто невозможны, хотя такое положение грубо противоречило сущности марксизма.

Читатель вправе спросить: сейчас, когда мы приближаемся к концу XX столетия, не пора ли подумать о создании подлинной истории русской социально-экономической мысли нашего героического и трагического века?

Осуществление этого непростого дела прямо связано с дальнейшим развитием демократизации общественной жизни, с созданием поистине благоприятной для творчества атмосферы в нашем обществе.